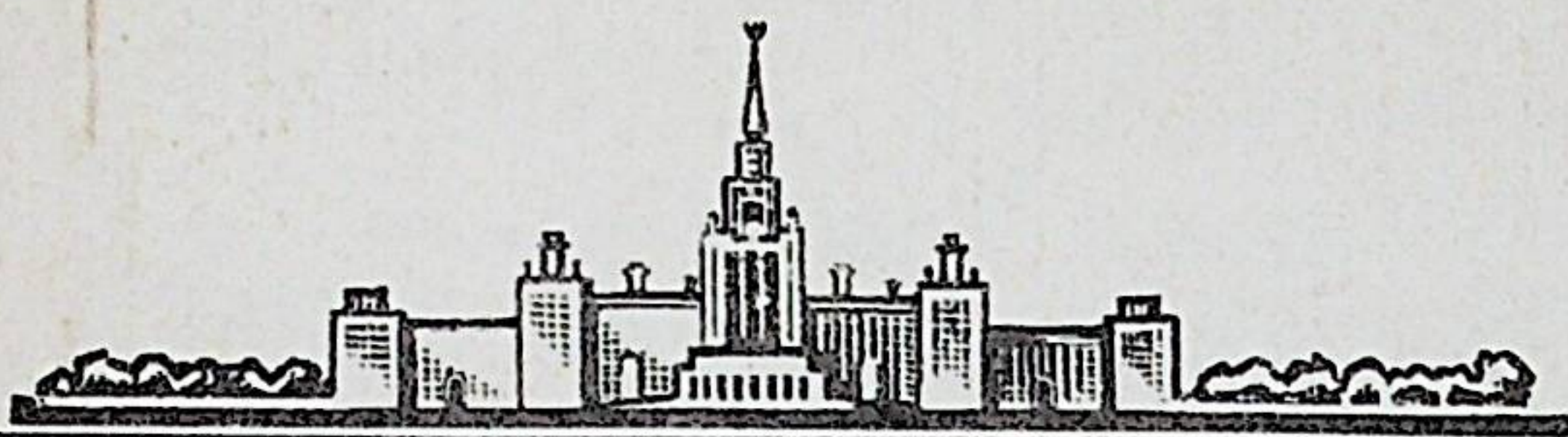

Философский факультет

На правах рукописи

КОЛОНИЦКИЙ
Петр Федотович

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
АТЕИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

(09.00.06, научный атеизм)

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора философских наук

А3

Работа выполнена на кафедре философии
Института повышения квалификации преподавателей общественных
наук при МГУ им. М.В.Ломоносова.

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор Момджян Х.Н.,
доктор философских наук, профессор Панцхава И.Д.,
доктор философских наук, профессор Кривелев И.А.

Ведущее учреждение – Кафедра истории и теории
атеизма Киевского Государственного Университета
им.Т.Г.Шевченко.

Автореферат разослан " _____ 1974 г.
Защита состоится " _____ 1974 г. в _____ час.

на заседании Ученого Совета философского факультета
Московского Государственного Университета им.М.В.Ломоносова
(Москва, В-234, Ленинские горы, корпус гуманитарных факульте-
тов МГУ, II этаж, аудитория II56).

С диссертацией можно ознакомиться в Читальном зале
гуманитарных факультетов МГУ.

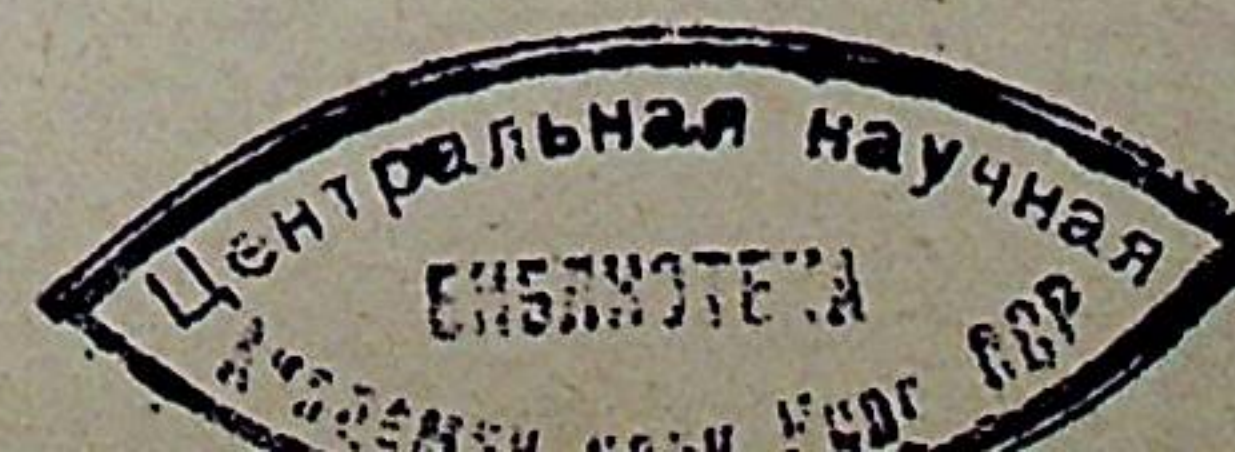
Ученый секретарь Совета

XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза в
качестве одной из главных задач партии в коммунистическом
строительстве выдвинул формирование нового человека.

Решение этой задачи, как и строительство коммунизма в
целом, – целенаправленный процесс. Коммунистическая партия на
основе марксистско-ленинского учения о закономерностях общест-
венного развития разработала программу воспитания личности, со-
ответствующей коммунистическому идеалу. Трудолюбие, всесторон-
нее интеллектуальное развитие, высшая степень общественной соз-
нательности, творческая активность, нравственное совершенство,
все благородные, подлинно человеческие качества и черты –
таковы компоненты духовного мира человека новой коммунистиче-
ской формации.

Само собой разумеется, что такой человек мыслим лишь
как последовательный атеист. Для религии, как и других пере-
житков досоциалистической идеологии, не может остаться какого-
либо места в его сознании. Религия в любых проявлениях не-
совместима с мировоззрением, моралью, идеологией передового
современного человека вообще, строителя и тем более члена бу-
дущего коммунистического общества в особенности.

Эта истина достаточно ясна и сама по себе в исследова-
ниях и подтверждениях не нуждается. Кроме исходных глубоко
аргументированных положений, содержащихся в произведениях
классиков марксизма-ленинизма, из которых с неопровержимой
достоверностью следует вывод о несовместимости теории и прак-
тики научного коммунизма с религиозным мировоззрением, издано
за ряд лет немало книг, брошюр, статей как научно-исследова-
тельского, так и особенно научно-популярного характера, обстоя-

тельно освещающих этот вопрос^I. В плане чисто научном здесь нет проблемы.

Есть проблема в другом. Каким образом эту истину сделать всеобщим достоянием, добиться, чтобы не только неверующие, а верующие осознали, что подлинно человеческие условия бытия, каковыми в полной мере могут быть лишь условия бесклассового коммунистического общества, достижимы только в ходе осуществления глубоко научной программы практического действия, т.е. на идейной основе атеизма, а не религии. Проблема, иначе говоря, состоит в том, чтобы давно известное, неопровержимо доказанное, общественной практикой подтвержденное довести до сознания тех, кто вопреки очевидности продолжает придерживаться иных, по существу противоположных взглядов. А это, как предсказывали классики нашего мировоззрения и как подтверждает опыт борьбы за преодоление религии, задача далеко не простая. Поскольку без решения этой задачи нельзя успешно решать и все другие задачи коммунистического воспитания, она не только достойна внимания практических работников, а и разработки в теоретическом плане. В комплексе проблем научного атеизма вопросы атеистического воспитания выдвигаются все более на первый план. Этим главным образом и продиктован выбор темы предлагаемого исследования.

Отрадно отметить, что в марксистской литературе философские проблемы научного атеизма занимают все более видное место. Притом большинство работ научно-исследовательского ха-

^I) Достаточно сказать, что эта идея является центральной в содержании специально атеистического органа печати в лице научно-популярного журнала "Наука и религия", издаваемого с 1959 года.

рактера представляет собой основное содержание диссертаций, представленных к защите на соискание ученой степени доктора наук (в большинстве философских) и успешно защищенных за последние десять-пятнадцать лет^I. Сверх того, вышли такие работы, как "Общество и религия" (один из томов трехтомника "Наука против религии") под редакцией П.А.Федосеева и Ю.П.Францева; пятнадцать выпусков "Вопросов научного атеизма" под редакцией А.Ф.Окулова; "Религиозная картина мира и ее богословская модернизация" И.А.Кривелева; "Введение в теоретическое религиоведение" Д.М.Угриновича; "Ценности истинные и мнимые" С.А.Анисимова; "Человек, его жизнь и бессмертие" И.Д.Панцхавы; "Религия как общественный феномен" А.Д.Сухова; "Атеизм, религия, нравственность" под редакцией В.И.Гароджи и р-д других. Наряду с проблемами, которым эти работы непосредственно посвящены, в них так или иначе затрагиваются и философские проблемы атеистического воспитания, а в таких работах (они же докторские диссертации), как "Формирование научно-материалистического атеистического мировоззрения" В.А.Черняк и "Проблемы атеистического воспитания в практике партийной работы" М.К.Теплякова, эти проблемы являются предметом специального рассмотрения.

Исходя из основополагающих идей классиков марксизма-ленинизма по вопросам коммунистического воспитания вообще и атеистического в частности, диссертант опирается, естественно, и на достижения вышеуказанных работ советских авторов. Разработка теоретических проблем научного атеизма, в том числе проблем^I Имеются в виду докторские диссертации И.А.Кривелева, И.Д.Панцхавы, М.И.Шахновича, В.И.Прокофьева, А.И.Клибанова, Д.М.Угриновича, В.К.Танчера, М.П.Новикова, Л.Н.Митрохина, М.П.Мчедлова, С.Ф.Анисимова, С.И.Никитова, В.И.Гароджи, П.К.Курочкина, Ю.А.Левады, А.Д.Сухова, И.П.Иванова, В.А.Черняк, Е.М.Бобосова, Л.Н.Великовича, Я.В.Мичквичуса, М.К.Теплякова, З.Д.Тимофеева и др.

лем атеистического воспитания, поднята в этих работах на новую более высокую ступень. Однако было бы опрометчиво заключить, что в дальнейших исследованиях эти проблемы не нуждаются. В выходящей литературе практические работники не находят ответа подчас на сравнительно простые, но весьма существенные теоретические, в том числе философско-социологические вопросы атеистического воспитания. Примером может служить вопрос о социальных корнях религии применительно к условиям социалистического общества, по которому в течение ряда лет шла по существу ничем незакончившаяся дискуссия и с выяснения которого начинается данное исследование. Этому посвящена первая глава: "Подрыв социальных корней религии — решающее условие атеистического воспитания".

Известно, что в результате построения социализма социальные корни религии в СССР подорваны, как это зафиксировано в Постановлении ЦК КПСС "Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения", принятом еще в ноябре 1954 года¹. Этим устранены самые глубокие причины религии, вне которых религия как одна из форм общественного сознания, становится не отражением существующего в данный момент общественного бытия, а пережитком прошлого.

Между тем по вопросу о социальных корнях религии применительно к условиям победившего социализма в атеистической литературе нет единого мнения, в частности, наблюдается разноречивой в решении вопроса о том, что произошло с социальными корнями религии в результате их подрыва — прекратили они свое

1) См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд-во политической литературы, 1971, т.6, стр.518.

существование в собственном качестве или продолжают существовать и, следовательно, осуществлять роль главного, решающего фактора религиозности еще не отошедших от религии и церкви советских людей. В диссертации зафиксированы взаимоисключающие решения, встречающиеся в литературе. В одних случаях утверждается, что "в СССР социальные корни религии ликвидированы"¹, откуда следует, что таковых уже нет. В других — формулируется более осторожный, но по существу противоположный вывод: "...на определенных уровнях они (социальные корни религии — П.К.) пока дают о себе знать"², откуда следует, что таковые еще существуют.

Анализ этих внешне несовместимых ответов приводит к выводу, что дело здесь не столько в разногласиях по существу, сколько в неоднозначности того смысла, который вкладывается в само понятие "социальные корни религии". Поэтому прежде чем отвечать на вопрос, существуют ли социальные корни религии в СССР, приходится уточнять, что мы понимаем под социальными корнями религии, вновь и вновь обращаться к ленинской характеристике этого понятия.

Из марксистского понимания общества вообще и каждого общественного явления в отдельности следует, что главные, решающие причины религии содержатся не в сознании людей, не в идеологических отношениях, а в условиях материальной жизни общества, в общественном бытии. Идеи, взгляды, теории при всем их значении в воспитании человека, в том числе в приобщении его к религиозным верованиям, сами производны от материальных отношений, являются их отражением.

1) "Вопросы философии", 1970, № II, стр.156.

2) К обществу, свободному от религии. М., 1970, стр.98.

В диссертации подчеркивается, что под социальными корнями религии марксизм понимает не все социальные факторы, так или иначе питающие религиозные представления и настроения, а лишь те из них, которые коренятся в самом фундаменте общественной жизни — в способе производства. Здесь диссертант не только воспроизводит то, что так или иначе освещено в философской литературе, а и пытается пойти дальше, обращая внимание на одну весьма существенную деталь в содержании понятия "социальные корни религии".

Мало того, что социальные корни религии находятся в глубине общественной жизни, в его экономическом фундаменте и что именно поэтому являются не просто причинами, а причинами коренными, решающими. Другая весьма важная характеристика этого понятия в том, что социальные корни религии содержатся не в уровне развития производительных сил непосредственно, а в производственных отношениях, т.е. в социальной сфере в собственном значении этого понятия и именно поэтому являются социальными.

Социальная природа религии, а следовательно и ее социальные корни, как известно, впервые вскрыты основоположниками марксизма. Однако в трудах Маркса и Энгельса самого понятия "социальные корни религии" еще нет. Оно впервые вводится в науку В.И. Лениным. Подчеркивая вслед за основоположниками марксизма ту истину, что причины религиозного отражения действительности коренятся не в сознании людей, а в условиях их материальной жизни, Ленин конкретизирует это положение указанием на экономический гнет как главную причину современных

форм религиозных верований, как наиболее глубокий корень современной религии. В статье "Социализм и религия" он отмечает, что "гнет религии над человечеством есть лишь продукт и отражение¹ экономического гнета внутри общества".

Понятие социальных корней религии Ленин, как видим, связывает с такими экономическими отношениями, которые ставят людей в заведомо неравные, диаметрально противоположные экономические отношения, составляющие экономический фундамент социального гнета и порабощения. В самом определении социальных корней религии, сформулированном Лениным, в качестве первой и самой важной характеристики этого понятия выдвигается социальная придавленность трудящихся масс², вне которой, как представляется диссертанту, социальные корни религии лишаются своей основной качественной определенности, т.е. перестают быть тем, чем они есть.

Отсюда нельзя не заключить, что социальные источники, так или иначе подогревающие религиозные пережитки при социализме, есть нечто качественно иное по сравнению с тем, что именуется у Ленина социальными корнями религии и что эти источники уже неправомерно считать социальными корнями религии. Социальные корни религии — это не просто причины религиозности людей наряду с другими причинами, хотя бы и социальными, а причины коренные, главные, решающие, вне которых даже при наличии всех других причин существование религии в современных условиях необъяснимо. Таковыми применительно к современ-

1) В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 146.
2) В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 419.

ным формам религии как раз и являются бессилие эксплуатируемых классов перед эксплуататорами и бессилие всего общества перед стихийными, слепыми законами общественного развития, т.е. факторы, которых в СССР с победой социализма не существует и, следовательно, не существует того, что соответствует понятию социальных корней религии (именно корней, а не просто причин) ¹.

Диссертант считает неправомерным высказываемое в литературе утверждение, будто между понятиями "причина" и "корни" ² применительно к религии нет никаких различий. Разумеется, корень религии является ее же причиной, но все дело в том, что причиной особой, самой важной, решающей, коренной. отождествлять понятия "корень" и "причина" - значит практически считать излишним отделять существенное от несущественного, главное от второстепенного, более важное от менее важного в исследуемом объекте, что не согласуется с элементарными требованиями диалектико-материалистического подхода к анализу явлений. Без такого разграничения трудно (если не сказать, невозможно) провести качественную грань между социальными факторами, питающими религию в классово-антагонистических общественно-экономических формациях, с одной стороны, и в социалистическом обществе, с другой. А ведь это принципиально разные условия. Если капитализм, например, не просто наследует религию, а и всем укладом жизни воспроизводит ее, то при социализме она хотя и постепенно, но неуклонно преодолевается. Религиозные пережитки если и продолжают свое существование, то лишь постольку,

1) Такая точка зрения высказана диссертантом в статье "Существуют ли социальные корни религии в СССР" в журнале "Политическое самообразование", 1966, № 12.

2) См. Вопросы научного атеизма, выпуск 7, стр. 416-417.

поскольку процесс ее преодоления еще не завершен как в силу живучести традиций (и это главное), так и в силу того, что и при социализме наряду с факторами, изгоняющими религиозные предрассудки из сознания людей и играющими ведущую, определяющую роль в формировании общественного сознания, существуют еще и факторы, затрудняющие этот процесс. Но одно дело затруднять преодоление религии и совсем другое - порождать ее.

В этом плане диссертант специально останавливается на таком факторе, как трудности социалистического и коммунистического строительства, в частности, на значении для подкрепления религиозных чувств и настроений нерешенных вопросов в области материального благосостояния, на которые чаще всего ссылаются, когда пытаются обосновать вывод о наличии социальных корней религии в советском социалистическом обществе.

Авторы, придерживающиеся такой точки зрения, по-видимому, не учитывают, что потребность в религии порождается не столько нуждой самой по себе, сколько ощущением ее неодолимости, чувством безысходности и бесперспективности в борьбе с ней. Лишения и жертвы гражданской войны и послвоенной разрухи, трудности индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, испытания Великой Отечественной войны и т.п. - это нечто принципиально иное, чем все то, что переживали трудящиеся в дореволюционное время. Советские люди в большинстве своем понимали, что эти трудности и лишения были следствием особых обстоятельств, носили сугубо временный характер и продиктованы они были не чем иным, как задачами борьбы за революционное преобразование тех жизненных условий, которые обрекают трудящихся на нужду

и прозябание. Это трудности и лишения не как норма жизни, из которой нет или не видно выхода, а лишь как ступеньки на пути к желанной цели. Советские люди, массы трудящихся в своем подавляющем большинстве добровольно шли на ограничения и жертвы, сознавая их суровую, но справедливую необходимость. Здесь были и нужда, и лишения, и жертвы, но не было ни придавленности, ни бесправия, ни бесперспективности, ни страха перед завтрашним днем. Социальная природа тягот и невзгод была здесь совершенно иной. И поэтому, естественно, они по-иному отражались в сознании людей.

Диалектика этого отражения такова, что суровые испытания подогревали, конечно, и религиозные чувства и настроения, но в еще большей степени они закаляли людей, укрепляя их веру в собственные силы, в возможность несмотря на трудности и преграды построить достойную человека жизнь и этим в корне подтачивали религию, питали антирелигиозные взгляды. Магистральной линией развития сознания советских людей был отход от религии, хотя он и совершался не без противоречий, не без рецидивов оживления религиозных предрассудков. Решающую роль играл здесь не процесс переживания трудностей, а процесс их преодоления.

Здесь преднамеренно сконцентрировано внимание на том периоде жизни советского общества, когда невзгоды и тяготы материальной жизни были наиболее ощутимы. Но если даже тогда они не могли предотвратить отход масс от религии, то это значит, что не они главный, решающий фактор религиозного сознания, не в них содержится причина, именуемая Лениным социальным корнем религии. Социальные корни религии заключаются в

материальной нужде особого качества, особой социальной сущности, обусловленной социально-экономическим строем и в рамках этого строя непреодолимой. С такого рода нуждой советское общество покончило уже в результате социалистической революции, хотя и после этого советским людям, в силу не исходящих из социалистического экономического уклада причин, пришлось пережить и даже перестрадать еще очень многое.

Таким образом, если при анализе причин религиозности наших верующих оставаться в рамках собственно социалистической истории нашего общества, отвлекаясь от того, что ей предшествовало, то нельзя не прийти к выводу, что первой и самой важной причиной, вне которой не могли бы возыметь своего действия и какого-либо значения все другие причины, является наследование представлений, взглядов, идей прошлого. В отличие от причин религии во всех предшествующих общественных формациях главная причина существования религиозных пережитков при социализме содержится не в условиях материальной жизни общества и тем более не в его социально-экономическом строе, где таковые и вовсе отсутствуют, а в закономерностях взаимодействия общественного бытия и общественного сознания, в частности в том, что сознание, будучи отражением условий материальной жизни, следует за изменениями в них не автоматически, не немедленно, а с известным отставанием^I. Эта закономерность, свойственная всем формам общественного сознания, особенно характерна для религии, поскольку

^I) В связи с этим диссертант обосновывает свое несогласие с недооценкой этого фактора, высказываемой в философской литературе, в частности в журнале "Вопросы философии" (см. № 5, 1969, стр. 128-138).

I
ку религиозное сознание, как отмечал еще Энгельс¹, всего дальше отстоит от материальной жизни, и поэтому своеобразная консервация идей здесь наиболее интенсивна.

Таковы те выводы, которые, по мнению диссертанта, вытекают из ленинского анализа социальных корней религии. Во всем многообразии источников, питающих современные религиозные верования, Ленин в лице социальных корней религии вскрыл ее первоисточник, первопричину, устранение которых предрекает судьбу религии, создает предпосылки ее полного изгнания из сознания людей. Именно это и произошло в СССР в результате победы социализма, подорвавшей социальные корни религии. Теперь может идти речь лишь о социальных причинах, затрудняющих преодоление религиозных пережитков, но уже неспособных спасти религию от полного и окончательного преодоления, а поэтому не соответствующих тем факторам, с которыми связано само понятие социальных корней религии. Все дело теперь в том, чтобы с наибольшей эффективностью использовать эти предпосылки, опираясь на них, довести преодоление религии до полного завершения.

х х х

В следующих двух главах — "Атеизм и формирование научной картины мира в массовом сознании" (гл. II) и "Атеизм и воспитание коммунистической нравственности" (гл. III) — речь идет о месте и значении атеистического воспитания в формировании научной картины мира и коммунистических норм нравственности в массовом сознании. В связи с этим подвергаются критическому анализу попытки современных апологетов религии представить религиозную

1) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 312.

картину мира в качестве вывода из наиболее фундаментальных достижений науки, а чувство ответственности перед богом в качестве единственной, ничем незаменимой основы нравственности.

Известно, что современные богословы, как правило, не выступают против науки и, даже более того, пытаются изобразить себя ее поборниками. Истинность научных данных ныне настолько очевидна и неоспорима, что даже крайний реакционер не смеет открыто выступать против научного прогресса. Отрицается не наука, а вытекающие из ее достижений атеистические выводы.

С некоторых пор, а именно с конца первой половины нынешнего столетия в апологетике религиозного мировоззрения курс взят на то, чтобы под религию подвести "естественнонаучную базу". Используя естественные трудности научного прогресса, устремляя взоры на еще не решенные наукой вопросы, спекулируя на том, что каких бы высот ни достигла наука в познании мира, всегда остается необъятная область еще не познанного — опираясь на все это, богословы пытаются доказать, что наука своими наиболее фундаментальными данными подтверждает не материализм и атеизм, а идеализм и религию. В этом отношении весьма показателен приведенный в диссертации отрывок из пространного письма "беспартийного пенсионера", в котором проводится идея, что и материалистическое и религиозное мировоззрения одинаково умозрительны. Первое исходит из того, что "иных форм бытия, кроме материального нет, иных миров нет, существование человека прекращается окончательно вместе с телесной смертью". Второе с таким же правом утверждает противоположное, а именно, что "материальное бытие не может рассматриваться как единственная форма бытия."

Бытие многообразно и включает в себя формы и силы более высокого порядка, нежели материальные..." И то, и другое, как подчеркивает автор письма, не более как постулаты, положения, мыслимые "лишь как неполная индукция, которой не суждено сделаться когда-либо полной". Поэтому оба решения онтологической проблемы "должны быть признаны в равной степени правомерными".

Эта внешне нейтральная по отношению к двум противоположным мировоззрениям позиция далеко не нейтральна, поскольку, согласно этой позиции, как одно, так и другое мировоззрение построены на вере. В одном случае на вере в то, что иных форм бытия кроме материальных нет, а в другом, что таковые есть. "Нейтральность" свелась к идее, что превыше всего вера и что без веры нет не только религии, а и науки, и даже материализма и атеизма. Рекламируемый предельно беспристрастный подход при сопоставлении двух противоположных друг другу мировоззрений оказался далеко не беспристрастной попыткой в век бурного научно-технического прогресса обосновать примат веры над знанием, религии над наукой. "Признание" науки, сопровождаемое подменой знания верой, является фикцией, попыткой прикрыть, замаскировать антинаучное существо религиозного мировоззрения.

Богословская перестройка не может не сказываться соответствующим образом на содержании и методах научно-атеистического воспитания. Если в не столь далеком прошлом апологеты религии сами противопоставляли себя научным взглядам, третируя последние как нечто несовместимое с божественной истиной, освобождая этим представителей науки от необходимости доказывать антинаучность религии, то в последние десятилетия в этой

части положение существенно изменилось. Теперь богословы за науку, только за науку особую, "чистую", "истинную", не отвергающую, а подтверждающую божественное откровение, науку, свободную от материалистических и атеистических "извращений".

"Не с настоящей наукой расходится религия, а с той псевдонаукой, которая суживает задачи, поставленные перед человеческим разумом и обедняет наши понятия о мире и человеке"¹ — вещает католический опровергатель марксистского материализма и атеизма Ю. Данзас. "Та картина мира, которую рисует нам современная наука, — вторит ему православный богослов протоиерей В. Зеньковский, — неверна не в том смысле, что она говорит о чем-то мнимом, нереальном. Нет, все верно в описаниях явлений, в формулировке законов, управляющим миром. Но все это лишь повесть о поверхности мира, о его оболочке... То чувство истины, которое развивается через веру, проникает глубже, светит ярче, озаря своим сиянием полноту бытия"². Современными богословами, как видим, взят на вооружение тезис: "малые, поверхностные знания ведут к материализму и атеизму, тогда как углубленные — к религии, к признанию бытия божия".

В таких условиях особенно важным требованием в постановке научно-атеистического воспитания является не голое отрицание религиозных взглядов и представлений как средоточия фантастических вымыслов, ни с чем несообразных нелепостей, а научно аргументированная критика религии, не сводящаяся к бездоказательной констатации ее несовместимости как с элементар-

1) Ю. Данзас. Католическое богопознание и марксистское безбожие. Рим. 1941, стр. 339.

2) Православие в жизни (сб. статей). Нью-Йорк, 1953, стр. 41.

ными данными научного знания, так и с фундаментальными открытиями науки, включая достижения современного научно-технического прогресса.

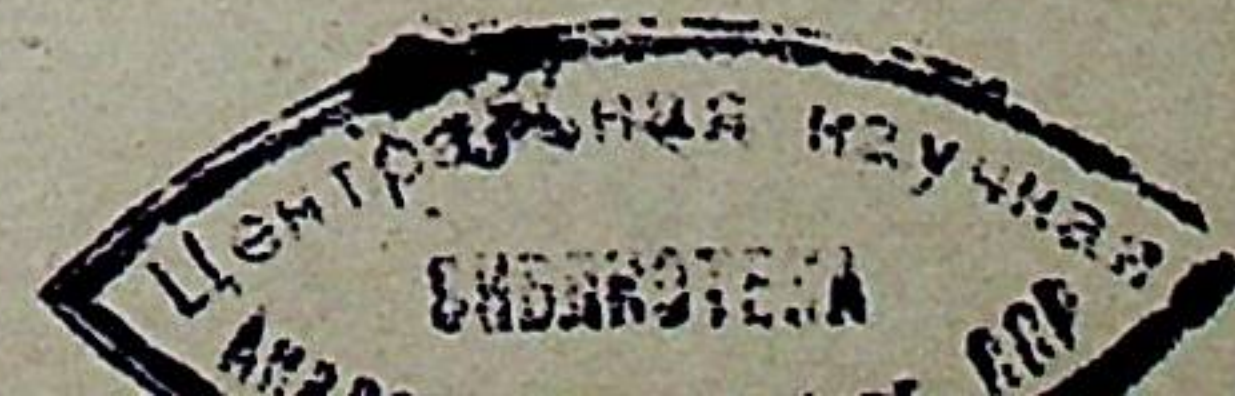
В литературе обстоятельно освещается приспособленческая деятельность современного богословия, подчеркивается, что апологеты религии пересматривают, уточняют, дополняют отдельные положения вероучений, особенно религиозную картину мира с тем, чтобы придать религии наукообразный вид. Однако остается несколько в тени другая, притом главная сторона этого вопроса: богословы ведь не столько религию приспособливают к науке, сколько науку к религии, навязывая ей антинаучные мировоззренческие выводы. Какие бы изменения и уточнения под напором научного прогресса ни вносились в религиозно-богословские доктрины, конечный вывод всегда один: началом всех начал, творцом мира и его законов является надмировая сила. Богословы охотно признают достоверность всех фактов науки, формулируемых наукой законов, но лишь до тех пор, пока эти факты и законы непосредственно не подрывают идею творца, что особенно выпукло проявляется в богословской интерпретации проблем астрономии и астрофизики.

В диссертации в качестве примера такого "признания" науки анализируется одна весьма характерная в этом отношении объемистая рукопись под заглавием "Космологические эскизы и религия". Отправные данные современной космологии подаются здесь внешне вполне объективно, без каких-либо отступлений от научной истины. Хотя этот труд от начала до конца богословский (это несколько не маскируется, а, напротив, выпячивается),

вопрос о строении Солнечной системы, Галактики, системы галактик, Метагалактики излагается так, как если бы не существовало ни библии, ни религиозно-богословской картины мира, ни многочисленных трудов отцов церкви, обосновывающих эту картину. Можно подумать, что богословие всегда шло в ногу с наукой, защищало и проповедовало научный взгляд на мир.

Но за общим, на первый взгляд, вполне объективным фоном рассуждений скрывается главная тенденция и цель повествования — доказать конечность Вселенной как в пространстве, так и во времени, исходя, видимо, из того, что все остальное станет на свое место: и разбегание галактик, якобы свидетельствующее о расширении Вселенной и, следовательно, о ее творении, и обеспечение энергии в ходе выравнивания температур, якобы ведущее к тепловой смерти Вселенной и многое другое. Достаточно доказать или хотя бы уверить читателя, что Вселенная конечна, чтобы можно было безболезненно признать научную картину мира, не нанося ущерба религии и даже подкрепляя ее, поскольку извечная проблема "начала всех начал" остается открытой. Дело сводится, следовательно, все к тому же: признать факты науки, приветствовать любые ее открытия, но без подрывающих религию мировоззренческих выводов.

Это и понятно. Данные каждой отрасли знания в отдельности и даже данные всех отраслей знания вместе сами по себе без общемировоззренческих выводов и обобщений еще не есть опровержение религии и богословия в их современном модернизированном виде. В мире ничего нет непознаваемого, но есть и всегда будет еще не познанное, за что цепляется и будет цеп-

ляться религия до тех пор, пока не прекратится ее существование. Мировоззрение потому и мировоззрение, что его выводы в своем общем, принципиальном содержании распространяются не только на те области действительности и ее законы, которые уже в достаточной мере исследованы, а не все то, что еще не изучено. Именно к такого рода выводам относится и диалектико-материалистическое положение о материальности мира, о том, что в мире нет ничего, кроме материи, движущейся в пространстве и во времени. Чтобы ни находилось за пределами познанной части Вселенной, вооруженный подлинно научным мировоззрением человек имеет все основания не сомневаться, что непознанное является столь же материальным и, следовательно, столь же естественным, как и познанное, вплоть до того, что если бы объективно, (не в сознании, а вне сознания) существовал сам бог, то и он был бы не богом, а каким то состоянием все той же материи, т.е. в собственном сверхъестественном качестве не существовал бы.

Незаменимым фундаментом атеистического воспитания является пропаганда естественнонаучных знаний. Атеистическое воспитание, не опирающееся на данные науки, на ее достижения - не эффективно. Во всех партийных документах, где определяются задачи научно-атеистического воспитания, подчеркивается необходимость вооружения масс научным объяснением действительности, формирования в их сознании научной картины мира. Нельзя из сознания верующего изгнать религиозной картины мира, не давая ничего взамен, не вооружая его научными знаниями.

Однако из этого было бы неправильно заключать, что пропаганда науки, распространение знаний достаточно для решения задач атеистического воспитания. Ведь известно, что не только люди, не располагающие научными знаниями, а и достаточно образованные, иногда даже видные ученые, не овладевшие научным мировоззрением, веруют в бога. Научный атеизм - это не просто сумма противоположных религии знаний, а и убеждение, не только наука, а и мировоззрение. Притом не нечто отдельное, самостоятельное от марксистско-ленинской диалектико-материалистической философии, а ее же определенный, и именно атеистический аспект, ее направленность против религии.

В связи с этим диссертант выражает сомнение в целесообразности утвердившегося за последнее время в практике атеистического воспитания разделения функций научного атеизма на негативную и позитивную, полагая, что у научного атеизма как определенного аспекта научного мировоззрения одна единая функция: научная критика религии во всех ее видах и на всех уровнях - от примитивно суеверных представлений рядового верующего до философско-теологических доктрин богословия. Так называемая позитивная функция как нечто самостоятельное (хотя бы относительно) от так называемой негативной функции неизбежно выводит атеизм за собственно атеистические рамки, является дублированием других компонентов научного мировоззрения.

Назначение и функции научного атеизма в системе научного мировоззрения весьма определены: на основе пропаганды научных данных разрушать религиозные взгляды, опираясь на науку, разоблачать и преодолевать религию. Именно в этом его

цель как антирелигиозного аспекта научного мировоззрения. Можно сказать даже так, что если применительно к научному мировоззрению в целом пропаганда научных знаний, воспитание масс в духе науки есть цель, а разоблачение антинаучных взглядов лишь средство, то применительно к научному атеизму как раз напротив: пропаганда научных знаний является средством, а разоблачение антинаучных взглядов, отрыв масс от религии, преодоление религиозных предрассудков — целью.

Вряд ли можно считать случайным (отнести только за счет недоработки) тот факт, что вплоть до последнего времени все учебные пособия по курсу основ научного атеизма, да и все другие труды по атеистической тематике, в изложении мировоззренческих проблем так или иначе сводились к критике различных аспектов религиозной идеологии. Что же касается позитивных знаний, то в трудах по научному атеизму их изложению отводилось подчиненное место, роль средства в разоблачении религии. Думается, что в этом факте дает о себе знать объективное назначение научного атеизма.

Этим несколько не умаляется роль атеизма, научно-атеистической воспитательной работы в формировании научной картины мира, научного мировоззрения вообще. Диалектика жизни такова, что без разрушения нет созидания. Негативной функции атеизма принадлежит весьма важная позитивная роль. И это не бессодержательная игра слов, а отражение того реального значения, которое принадлежит специфической роли научного атеизма в сложном комплексе научного мировоззрения. Разрушение является в данном случае неотъемлемым содержанием созидания. Сама терминология "негативная" и "позитивная" представляется диссертанту неправи-

мерной. Преодоление религии органически входит в содержание формирования научного мировоззрения человека и является скорее позитивным, чем негативным процессом в сознании верующего.

Одним из наиболее распространенных и живучих недостатков научно-атеистического воспитания в практической работе является просветительство, упование на то, что "наука сама себе атеизм" и что поэтому распространение положительных знаний — это уже и есть научно-атеистическое воспитание. Между тем в распространении положительных знаний самом по себе при всем его незамысловатом значении для преодоления религии и утверждения атеизма нет ничего специфически атеистического. Этим занимается как каждая наука в своей отрасли знания в отдельности, так и научное мировоззрение в целом. Научно-атеистическое воспитание начинается лишь там, где те же проблемы, те же знания излагаются под антирелигиозным углом зрения.

Научно-атеистическое воспитание многое теряет от того, что наиболее крупные естествоиспытатели вплоть до последнего времени весьма неохотно идут на то, чтобы активно участвовать в пропаганде тех атеистических выводов, которые вытекают из всего содержания их же научных исследований и достижений. Только в самые последние годы стали появляться труды специально атеистического содержания, в создании которых начали принимать непосредственное участие и естествоиспытатели¹. Здесь сказывается предубеждение, что факты науки сами по себе, своим позитивным содержанием способны освобождать людей от религии и в

1) Имеется в виду, в частности, серия из трех томов "Наука против религии". Изд-во "Наука", 1967.

специально атеистической интерпретации не нуждаются. Доведение этих фактов до сознания верующих, распространение научных знаний среди населения, согласно такой установки, и есть научно-атеистическое воспитание. Думается, что такого рода установка как раз и является одним из истоков выделения так называемой позитивной функции (или аспекта) научного атеизма в отличие от так называемой негативной, направленной на отрицание религиозных представлений о мире и его закономерностях.

х х х

В формировании коммунистической личности наряду с овладением научно-атеистическим мировоззрением первостепенная роль принадлежит воспитанию коммунистической нравственности. В.И. Ленин подчеркивал, что коммунистическое воспитание есть воспитание коммунистической морали¹. А поскольку коммунистическая мораль является атеистической, то научная критика нравственных принципов, вытекающих из религиозного миропонимания и проповедуемых апологетами религии, и раскрытие атеистического содержания коммунистической морали — важный аспект атеистического воспитания, заслуживающий специального рассмотрения.

В литературе справедливо подчеркивается, что в результате полного банкротства религиозной картины мира в том виде, как она представлена в вероучительных первоисточниках, церковь в современных условиях перенесла центр тяжести проповеднической деятельности на вопросы морали. Если в борьбе с наукой религия и церковь вынуждены были коренным образом перестраи-

¹) См. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 308.

ваться, перейти от открытой и непримиримой враждебности на позиции примирения и союза с ней, то в отношении морали в подобной перестройке необходимости не было. Основопологающей идеей нравственного богословия как было, так и остается идея о том, что незыблемой основой и неистощимым источником морали может быть и является лишь религия, чувство моральной ответственности перед божественным авторитетом, вне преклонения перед которым какие бы то ни было нравственные предписания ни для кого не обязательны и не могут выполнять роль регулятора взаимоотношений между людьми. В этой части церковь имеет возможность опираться на такую силу, как сила уходящей в глубину веков традиции.

Но дело не только в традиции. Пользуясь господствующим положением в обществе, церковь приспособила к религии многие элементарные нормы нравственности. Многие из того, что сложилось веками в области нравственных отношений независимо от религии, церковь включила в кодекс религиозной морали, объявив достоянием религии. Само собой разумеющиеся правила поведения, так называемые простые нормы нравственности и справедливости, теснейшим образом переплелись и срослись с идеями и нравственными поучениями религии. Такие заповеди христианской религии, как не кради, не убивай, не прелюбодействуй и т.д. составляют тот наряд, за которым скрывается глубоко аморальная сущность религиозной морали. И не так то просто за этим нарядом раскрыть подлинный смысл религиозных заповедей. Голое отрицание их позитивности, которым нередко грешит наша пропаганда, неэффективно, а порой просто вредно. Чего стоит, например, утверждение

автора одной из статей в газете "Известия", что религиозные заповеди, призывающие вести нравственный образ жизни (не убивать, не воровать и т.п.) не имеют никакого отношения к религии, поскольку они порождены самой жизнью^I. Но ведь и нормы коммунистической, как и всякой другой морали, тоже не с неба упали, а сформировались на земной почве — разве правомерно их на этом более чем странном основании исключать из содержания данной системы нравственности?!

Отмечая значение традиции отождествления религии с нравственностью, — а сила традиции, как известно, является огромной силой, — диссертант обращает внимание и на ее обратную сторону. Если в силу определенных социальных условий, в частности, в силу господствующего положения религии на протяжении всей истории классово-антагонистического общества за религией утвердилась репутация основы и хранителя нравственных устоев общества, то атеизм выставился и выставляется поныне защитниками религии, в том числе реакционными идеологами современной буржуазии, как источник необузданности и безответственности в поведении человека, как отрицание и разрушение принципов морали. Такое отношение к атеизму обуславливалось не только непосредственными классовыми интересами господствующих классов и их идеологов, а и идеализмом в объяснении общества, в частности, непониманием того открытого историческим материализмом факта, что первоисточником мотивов поведения человека является не сами по себе идеи, а лежащие в их основе материальные потребности и интересы и что нормы морали являются не повелениями свыше,

I) "Известия", от 24 октября 1963 г.

а требованиями самой жизни, отражением материального бытия людей. На основе идеалистического объяснения источника идей трудно избежать вывода о том, что без признания бога и преклонения перед его непререкаемым авторитетом нет силы, способной удерживать человека в определенных рамках поведения и что достаточно этот авторитет развенчать (а в этом как раз и заключается назначение атеизма), чтобы подорвать нравственность в самой ее основе.

Традиционное отношение к атеизму как источнику необузданности, подтачивающему чувство ответственности людей за свои поступки, сказалось определенным образом и на характере атеистической пропаганды. Основная идея нашей атеистической пропаганды в этой части сводится нередко к тому, что атеизм, отрицание бытия божия вовсе не помеха для нравственности и что для того, чтобы быть нравственным совсем не обязательно верить в бога, т.е. что без религии можно и обойтись. В этом вопросе (далеко не второстепенном) наша пропаганда больше обороняется, чем наступают, что только наруку проповедникам религии как якобы основы морали. Если в целом богословие давно уже перешло от наступления к глухой обороне, то в вопросе о нравственном значении религии оно еще пытается наступать и не всегда безуспешно. Защитники религии наирают на то, что религия как источник нравственности не потеряла бы своего значения даже в том случае, если бы и на самом деле не было бога и если бы вера в него была заведомо заблуждением.

Такой взгляд проникает даже в среду неверующих. Кому из атеистов, выступающих с лекциями в массовых аудиториях, не

приходилось встречаться с фактами, когда люди явно неверующие склоняются к тому, что религия бесполезна как нравственная узда, удерживающая человека в определенных рамках, побуждающая его чувством "страха божия" воздерживаться от дурных поступков и вести себя пристойно.

Проблема взаимоотношения нравственности и атеизма остается по существу вне поля зрения нашей литературы. Написано немало книг, брошюр, статей по вопросу о взаимоотношении нравственности и религии, но почти ничего не написано о взаимоотношении нравственности и атеизма. Сам такой факт дает повод думать, что с нравственностью так или иначе связана лишь религия, но не атеизм. В действительности, если правомерно вошедшее в обиход понятие "религиозная мораль", то столь же правомерно было бы и понятие "атеистическая мораль", в нашей литературе практически отсутствующее.

Человек со всеми своими представлениями, идеями, взглядами, включая религиозные чувства и взгляды — продукт тех условий внешней среды, в которых он живет. Из этой азбучной истины материалистического понимания общества само собой следует, что понятие нравственности, как и все другие понятия, возникает и формируется в сознании людей не как повеление откуда-то извне, а как требование самой жизни, самих условий бытия. Правила поведения никто не сочинял, они складывались и менялись в ходе практической деятельности человека, и с самого начала были не чем иным, как выражением его отношений к другим людям, к существующим в данном обществе классам, к обществу в целом. Вне этих отношений нет человеческой деятельности, нет человека, нет общественной

жизни. Мораль, как справедливо подчеркивается в книге "Атеизм, религия, нравственность", "неотторжимая принадлежность общества"^I. Нормы морали — неременный компонент общественных отношений на любой стадии их развития, при любом общественном строе, на любом уровне развития общества, независимо от того, существует религия или нет. Более того, нормы морали, формирующиеся вне религии и в противовес ей, опирающиеся на чувство ответственности человека перед людьми, перед обществом, а не перед мифическим богом, и действующие поэтому не вопреки общественной природе человека, а в соответствии с ней, играют действительно цементирующую роль в развитии морального сознания. Иначе говоря, основой морали в позитивном значении этого понятия являются не религиозные, а атеистические чувства и взгляды, атеизм, а не религия.

Конечно, и чувство ответственности перед мифом не беспочвенно. Идея бога и божественности принципов религиозной морали — не произвольный вымысел, а отражение (пусть искаженное, фантастическое) вполне реальных общественных отношений. А поскольку это так, они, эти принципы, тоже имеют вполне реальное значение для нравственности. Но, во-первых, их сила и значение не в якобы божественной природе (в этом их скорее слабость), а в том, что и в них хотя бы и в искаженной форме отражаются реальные требования определенных и именно господствующих эксплуататорских классов. Во-вторых, то "цементирующее" начало, которое в них содержится, укрепляя мораль господствующих эксплуататорских классов, служит в сущности аморальным целям.

^I) Атеизм, религия, нравственность. "Мысль", 1972, стр. 17.

Истории известны пять общественно-экономических формаций. Каждой из них соответствует своя система норм поведения и свой взгляд на мораль. Последовательная смена общественно-экономических формаций находила свое более или менее адекватное отражение во всех формах общественного сознания, в том числе и морали. Мораль первобытно-общинного строя уступила место рабовладельческой морали, рабовладельческая — феодальной, феодальная — буржуазной, буржуазная — коммунистической.

В ряду этих исторически сменяющих друг друга форм морали для религиозной морали как отдельной, самостоятельной ступени в развитии морального сознания места нет. В отличие от всех вышеперечисленных форм морали религиозная мораль не является принадлежностью какой-либо одной формации и выражением специфических интересов какого-либо одного класса. Она всегда была и остается не чем иным, как прикрытием истинной сущности светской морали и самостоятельного, независимого от последней содержания не имеет. Как отмечает Г.В.Плеханов, "религия освящает нравственность, сложившуюся в данном обществе, а также и все другие его устои"¹. Нельзя не согласиться с А.Ф.Шинкиным, что "термин "религиозная мораль", строго говоря, не точен" и что "точнее было бы говорить о религиозной моральной доктрине или религиозном моральном учении (католическом, протестантском, иудейском, магометанском и т.д.)"². Однако поскольку понятие "религиозная мораль" прочно заняло свое место в научном обиходе, приходится с ним считаться, оговорившись, что оно (это понятие) соответствует не какому-то

1) Г.В.Плеханов. Предисловие к книге А.Деборина. Избранные философские произведения, т. III, стр. 62.
2) А.Ф.Шинкин. Основы марксистской этики. М., 1961, стр. 153.

одному виду морали, существующему наряду с имевшими место в истории разновидностями светской морали, а лишь той форме, оболочке, в которую она (светская мораль) облекалась в силу определенных исторических, социально-классовых условий.

В практической работе по научно-атеистическому воспитанию при раскрытии сущности морали следует эту сторону дела иметь в виду в первую очередь. Никакой особой (тем более единственной, как это изображают проповедники религии и как думают находящиеся под их влиянием рядовые верующие) религиозной морали не было и нет. Религиозная мораль выполняла и выполняет на протяжении истории классового общества функции морали господствующих эксплуататорских классов. "Социальные принципы христианства, — писал Маркс, — оправдывали античное рабство, превозносили средневековое и крепостничество и умеют также, в случае нужды, защищать, хотя и с жалкими ужимками, угнетение пролетариата"¹.

Раскрывая истинную сущность религиозной морали как функции морали господствующих эксплуататорских классов, нельзя не учитывать, что в жизни, в реальной действительности дело обстоит гораздо сложнее. Будучи в классово-эксплуататорском обществе господствующей идеологией, религия в своих моральных принципах отражает и чаяния угнетенных классов, аккумулирует в себе и их моральные требования, исходящие от них понятия справедливости, долга, чести и т.д. Все дело, однако, в том, как отражает и какое они (эти чаяния и требования) претерпевают в призме религиозной идеологии предомливание. Содержащиеся в ряде религиозных заповедей моральные требования непреходящего общечеловеческого значения оказываются в контексте религиозного миропонимания

1) К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 4, стр. 204.

выражением далеко не общечеловеческих, а узкоклассовых корыстных интересов, не имеющих в действительности ничего общего с интересами и чаяниями угнетенных классов.

Следует со всей силой подчеркнуть, что суть религиозных правоучений не столько в их словесном выражении, подчас весьма привлекательном и в нравственном отношении безупречном, сколько в том, какой они приобретают смысл будучи соотнесенными с религиозной идеологией в целом, составным элементом которого они являются, что они представляют из себя в качестве производного от основополагающих идей религиозного комплекса. Диалектико-материалистический метод анализа здесь не менее незаменим, чем при раскрытии антинаучной сущности религиозных представлений о явлениях действительности, о закономерностях окружающего нас мира. Это особенно важно применительно к условиям социалистического общества, где религия не является оправданием и защитой интересов одних классов в ущерб другим, поскольку враждебных друг другу классов при социализме не существует и где она поэтому нередко расценивается как безвредная или даже полезная в нравственном отношении идеология.

В действительности сущность и социальная роль религии, несмотря на коренные изменения условий ее существования, несколько не изменились. Она по самой своей природе, по характеру тех социальных основ, которые ее породили и отражением которых являются содержащиеся в ней идеи, в том числе моральные принципы, как была, так и остается эксплуататорской идеологией. Если религия в наших условиях уже не может выполнять ту социальную функцию, которая принадлежала ей в прошлом, то не в силу собст-

венной сущности, а по другим причинам: в силу исчезновения тех социальных условий, отражением которых она является. Ориентируя верующих на мифические ценности потустороннего мира (а без этого нет современной религии), религиозная мораль всем существом своих нравственных принципов направлена на воспитание таких моральных качеств и норм поведения, с которыми в строительстве коммунизма не продвинешься ни на шаг вперед. Она подтачивает такие особенности строителя коммунизма, как творческая активность, уверенность в возможности и необходимости преобразования жизни в интересах человека, готовность отдавать свои силы и труд на общее благо и этим тянет не вперед, а назад, в конечном счете к тем общественным порядкам, которыми она порождена и наследием которых является.

Апологеты религии особо подчеркивают незаменимость религии как источника человеколюбия, как основы гуманизма, поскольку религия в отличие от атеистических учений заботится не о преходящем, а о вечном благополучии и счастье человека. В действительности же религиозный гуманизм является лжегуманизмом, поскольку ориентирует на то, чтобы химеру предпочесть реальности, истинные ценности принести в жертву вымыслу, мифу.

Гуманизм в подлинном смысле возможен только на основе заботы о реальном, а не мифическом благополучии и счастье людей, т.е. на основе атеизма, а не религии. Неслучайно важнейшей отличительной чертой всех подлинно гуманистических учений прошлого была антицерковная идейная направленность. Даже само возникновение гуманизма как определенного общественного движения неразрывно связано с протестом против засилия церкви и ее антигуманистич-

ческой идеологии, с борьбой за утверждение прогрессивных для своего времени общественных порядков. В противоположность религии и церкви гуманизм с самого начала выступал за преобразование земной, реальной жизни в интересах человека, отменяя насаждаемые церковью иллюзии о небесном благополучии.

Однако домарксистские гуманистические движения в разной мере страдали одним весьма существенным недостатком: им были неведомы реальные пути к обществу, где гуманные отношения между людьми восторжествовали бы в самом фундаменте общественной жизни — социально-экономическом строе и где благодаря этому идеи гуманизма нашли бы свое практическое осуществление. Гуманистические устремления были так или иначе покрыты пеленой несбыточности и фантастичности, чем не могла не пользоваться религия с ее идеями перенесения всех надежд в фантастический потусторонний мир.

Высшим достижением гуманизма является марксизм-ленинизм, вытекающий из него социалистический гуманизм.

Особенность социалистического гуманизма в том, что претворение гуманистических идей в жизнь он связывает с задачей коренного преобразования общества, с ликвидацией присущих классовому эксплуататорскому обществу бесчеловечных условий существования для подавляющего большинства людей и построением общества без классов и эксплуатации. Этим забота о благе и счастье человека поставлена на действительно реальную почву, в силу чего гуманизм стал реальным не только в том смысле, что в противоположность религии преследует не небесные, а земные цели, а и в том, что в отличие от прежних гуманистических учений находит реальные пути

их осуществления. Именно коммунизм Маркс назвал реальным гуманизмом^I.

Само собой разумеется, что идеи социалистического гуманизма последовательно атеистичны. Будучи неотъемлемым содержанием до конца научного марксистско-ленинского мировоззрения они решительно отменяют унижающую человека ориентацию на милость божью, на место бога ставят человека — творца своего счастья, полновластного хозяина своей судьбы.

Социалистический гуманизм рассматривает жизнь такой, какая она есть со всеми сложностями, трудностями и противоречиями. Ему чужды абстрактные идеи всеобщей любви и братства без разбора между эксплуататорами и эксплуатируемыми; тунеядцами и честными тружениками; бандитами, хулиганами, злостными нарушителями элементарных норм общественного порядка и добропорядочными людьми. Любовь к человеку предполагает ненависть к его врагам. Поэтому содержанием реального гуманизма является не только глубокое сочувствие нуждам и чаяниям трудящихся и не только борьба за их осуществление, но и непримиримость ко всем тем, кто стоит на пути этой борьбы, кто мешает претворению идей гуманизма в жизнь. Одно без другого немыслимо. Религиозные идеи всепрощения и тем более призывы любить врагов несовместимы с принципами социалистического гуманизма.

Кто из советских людей не приветствовал принятый несколько лет назад закон о борьбе с нарушителями общественного порядка. Это в высшей степени гуманный закон, оберегающий кровные интересы граждан нашего социалистического общества. Он потому

^I) См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведений. Политиздат, 1956, стр.588.

и гуманный, что строго взыскивает с тех, кто своим поведением наносит ущерб обществу, советским людям. Но ведь с позиций основополагающих христианских идей такой закон выглядит, строго говоря, нарушением гуманности, поскольку не согласуется с заповедями непротивления и всепрощения. Если быть до конца логичным, то с позиций религиозного гуманизма наказание преступника следовало бы считать отступлением от принципов гуманности, с чем, естественно, не может согласиться ни один здравомыслящий человек.

Чувство ненависти и вражды истолковывается клерикализмом как чуть ли не отличительная особенность идеологии безбожного коммунизма. Такой вздор не заслуживает даже опровержения. Нельзя не отметить лишь одно: пока есть на свете капитализм, пока существуют непримиримые враждебные классы, пока социализм восторжествовал не во всем мире, ненависть и вражда неизбежны. Это с наибольшей наглядностью демонстрируют сами же идеологи буржуазии, возводя злобную клевету на коммунизм и его идеологию. Об этом с особой очевидностью свидетельствуют такие явления наших дней, как разгул фашистской реакции в Чили.

В марксизме-ленинизме гармонически слились воедино подлинно гуманистическая мораль и научный атеизм, взаимно предполагая и обуславливая друг друга. В этом единстве — неопровержимое практическое доказательство глубоко нравственного содержания научного атеизма и глубоко научного, последовательно атеистического содержания коммунистической морали.

х х х

В заключительной, IV главе: "Марксистско-ленинские принципы атеистического воспитания" речь идет об основных исходных положениях диалектико-материалистического понимания путей преодоления религии.

Марксистско-ленинская теория воспитания вообще и марксистско-ленинская теория атеистического воспитания в частности, далеки от того, чтобы предписывать рецепты на все случаи жизни. Тем не менее было бы неправильно исходя из этого заключить, что в атеистическом воспитании нет и не может быть общих принципиальных установок, остающихся в силе при любых условиях и при любом стечении обстоятельств. Без таких установок немыслима никакая теория, в том числе и теория атеистического воспитания.

Принципы атеистического воспитания, как и всякие подлинно научные принципы вообще, для того чтобы выполнять роль отправных теоретических положений, из которых следует исходить в практической деятельности, должны быть извлечены из опыта самой этой деятельности как отражение закономерностей объективного процесса преобразования сознания, в данном случае, процесса преодоления религии и утверждения атеизма. Хотя этот последний и совершается не вне сознания, а в самом сознании людей, он протекает по объективным, от воли и сознания человека независимым законам. С этими законами нельзя не считаться в такой же мере, как и с законами внешнего мира. Произвол, волюнтаризм и все другие проявления субъективизма здесь также обречены на провал, как и в деятельности, направленной на преобразование природы или общественной жизни.

В воспитании, как и в познании, решающая роль принадле-

жит практике. "Массы учатся из жизни, а не из книжки..."¹ — подчеркивал Ленин. Эта же мысль высказана в одной из корреспонденций в "Правде", посвященной героическим будням солдат, погибших при тушении пожаров под Москвой летом 1972 года: "Знания можно получить из учебников, но характеры кует и шлифует жизнь"².

Указывая на определяющую роль и значение внешних условий, в особенности социальной среды в формировании духовного мира человека, марксистско-ленинская теория воспитания исходит из того, что человек является не только объектом, а и субъектом воспитания. Человек не природное, а социальное существо и все происходящие в нем изменения, в том числе формирование его взглядов на мир, идеологии, морального облика и т.п. есть результат не пассивного восприятия внешнего мира, а его же собственной преобразовательной деятельности, того активного начала, которое исходит от него же самого. Притом, решающая роль принадлежит последнему. "Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами" — писали основоположники марксизма в своем совместном труде "Немецкая идеология"³. Человек испытывает воздействие внешней среды лишь в ходе собственного воздействия на нее. Это распространяется и на область атеистического воспитания.

Известно, что в наших условиях под влиянием религиозных пережитков продолжают оставаться, как правило, те люди, которые в силу тех или иных причин стоят дальше других от производственно-общественной деятельности, от производственных и общественных коллективов, от общенародной борьбы за преобразование общества

1) В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 302.
2) "Правда", 19 октября 1972 г.
3) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 2.

в духе коммунизма. Сам такой факт — а он именно таков, как свидетельствуют данные конкретно-социологических исследований¹ — является жизненной иллюстрацией положения о том, что вовлечение человека в общенародный труд на общее дело, повышение производственной и общественной активности трудящихся — первое и самое важное условие коммунистического воспитания и его составной части — воспитания научно-атеистического мировоззрения. "Только в труде вместе с рабочими и крестьянами, — говорил Ленин, — обращаясь к молодежи, — можно стать настоящими коммунистами"².

Сама идея преобразования общества в духе коммунизма противостоит всем установкам религиозного понимания сущности и смысла человеческого существования и поэтому от начала и до конца атеистична. Поднимать производственную активность людей, строящих коммунизм, иначе говоря, добиваться, чтобы люди отдавали свой труд на дело коммунизма не в силу необходимости, а по доброй воле, сознательно — значит обеспечивать такую обстановку их повседневной жизни, когда надежда на некую иную, неземную жизнь становится совершенно беспредметной и излишней.

Поскольку жизненные блага, которыми пользуется человек, создаются трудом и только трудом, против обязанности трудиться не могло выступать никакое учение, в том числе и религия. Однако в соответствии с тем объективным положением, в котором в условиях классового эксплуататорского общества находится труд, трудиться вменяется в обязанность лишь тем, кто в результате собственного такого обществу отчуждения продуктов труда от самого труда лишен собственности. Зафиксированное в Библии от имени

1) См. книгу "К обществу, свободному от религии". "Мысль", 1970.
2) В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 317.

бога правило "кто не трудится, тот и не ешь", относится только к тем, кто и без божественного запрета "есть не трудясь" не может нарушить этого правила в силу того места, которое он занимает в общественном производстве, иначе говоря, в силу своей принадлежности к неимущему классу.

Положение меняется коренным образом лишь по мере утверждения бесклассового коммунистического общества, где труд впервые призван занять то место в жизни и в сознании человека, которое соответствует его сущности и объективному предназначению и где благодаря этому труд — основа воспитания человека новой формации, формирования гармонически цельной, всесторонне развитой личности, свободной от всех изъянов и деформаций, наложенных на духовный мир человека условиями докоммунистических форм общественного бытия.

Со стороны советских людей в ответ на вопрос в чем смысл их жизни все чаще можно слышать: "в труде на общее благо"^I. В этой простой предельно обыденной фразе выражена глубокая законсертированность, достойная социологического обобщения. Здесь находит свое выражение тот процесс, который в порядке научного предвидения охарактеризован Энгельсом как "скачок из царства необходимости в царство свободы". Когда труд, переставая быть только средством для жизни, становится первой жизненной потребностью и когда сам процесс труда доставляет не страдание, как это было на протяжении веков предшествующей истории (названной Энгельсом в силу этого предысторией), а творческую радость и наслаждение — тогда жизнь человека наполнена подлинно человеческим содержанием, а субъективные представления о смысле жизни приходят в полное соответствие с тем, в чем он — смысл жизни — заключается объективно.

I) См. подборку высказываний знатных советских людей о смысле жизни в журнале "Наука и религия", № 7, 1960.

Пользуясь несколько вольным, но в принципе вполне допустимым выражением, можно сказать, что природа в ходе длительной эволюции для того и "создала" человека, чтобы на основе его творческой преобразовательной деятельности продолжать свое самосовершенствование, двигаться в соответствии с присущей ей закономерностью по пути неуклонного прогресса. Появление человека на свет является логическим завершением всей предшествующей истории природы и вместе с тем исходным пунктом для ее развития на том этапе, когда возникла высшая, наиболее сложная форма движения действительности в лице социальной формы движения материи. С тех пор как возникло человеческое общество — эта высшая форма движения материи — все наиболее существенные изменения на нашей планете чем дальше тем больше связаны с общественным развитием, с творческой деятельностью человека. Все дело только в том, что в силу превратности предшествующих коммунизму форм общественной жизни труд как род деятельности не занял того места, которое предназначено ему самим ходом развития действительности в самом широком смысле этого понятия. Более того, в обществе, разделенном на классы, высокое звание человека, с одной стороны, и способность к труду, с другой, разъединены и противопоставлены как антиподы. В таких условиях труд не мог находить адекватное отражение в сознании человека как нечто такое, что составляет смысл его жизни, и в силу этого не мог в полной мере быть основой формирования тех духовных качеств, которые вытекают из объективного предназначения человека.

С утверждением социалистического общественного строя и тем более с переходом к коммунизму, когда назначение труда не сво-

дится к добыванию средств к жизни, а становится чем дальше тем больше первой жизненной потребностью, труд и в общественном сознании не может не отражаться как нечто самое важное в жизни, как сама жизнь в самом глубоком и прямом смысле этого слова. И нет ничего более естественного, что труд на общее дело, труд не как внешнее принуждение, а как внутренняя потребность к творчеству, приобретает значение смысла жизни человека. Воспитательная роль участия в таком труде неизмеримо возрастает. Классическая формула Маркса, что человек воздействуя на природу и изменяя ее, изменяет в то же время свою собственную природу, приобретает применительно к новым условиям еще более глубокий смысл. Вывод о том, что решающим условием атеистического воспитания является вовлечение трудящихся во всё более активный труд на благо коммунизма, находится в полном соответствии с этой формулой и представляет собой одно из исходных, принципиальных положений марксистско-ленинской теории атеистического воспитания.

Научный атеизм, как и диалектико-материалистическое мировоззрение в целом, появился на свет и сформировался в бескомпромиссной борьбе с идеализмом и религией. Вне непримиримой критики религии научного атеизма, атеистического воспитания не существует. Какие бы то ни было уступки религии в мировоззренческих вопросах несовместимы с самой сущностью научно-атеистического мировоззрения. До конца последовательный атеизм, каковым является марксистский атеизм, не может не быть воинствующим в отношении религии.

Приходится однако констатировать, что такая позиция воспринимается сплошь и рядом как излишне категоричная. В религиозной идеологии, в принципе бесспорно антинаучной и реакционной (против

этого никто из атеистов не возражает), пытаются нередко найти и некое положительное, вполне приемлемое для нас, атеистов, содержание, которое-де не следует отбрасывать с порога. В диссертации приводятся наиболее часто встречающиеся аргументы в пользу такого вывода и выдвигаются посильные контраргументы, характеризующие религию как идеологию, которая в силу своей антинаучности и реакционной социальной природы не может в принципе играть прогрессивную роль и является реакционной в любых условиях.

Говорят о прогрессивных чертах и даже революционности первоначального христианства, ссылаясь на известные высказывания Энгельса на этот счет, забывая, однако, что христианство не сводится к вероучению, а является более сложным общественным явлением. Если в первоначальном христианстве и содержались революционные черты в виде идей протеста и возмущения социальной несправедливостью, то не за счет специфически религиозных идей, а за счет действительно революционных настроений масс, в атмосфере которых возникало христианство. Идеи ненависти и протеста, содержащиеся в христианских первоисточниках (Апокалипсис), были, во-первых, чужеродным телом в христианском вероучении, никак не вытекавшими из его внутреннего содержания и, более того, находившимися в противоречии с его основными исходными положениями. Во-вторых, под определяющим воздействием основного содержания христианства как религиозного вероучения они, эти идеи, носили с самого начала сугубо пассивный характер, выливаясь в иллюзорную надежду на отмщение за обиды и унижения в неопределенном будущем и не собственными силами, а судом божьим. Когда Энгельс говорит о революционности первоначального христианства, то, как полагает

диссертант, имеет в виду не христианское вероучение, а те настроения и устремления, которые были присущи христианским массам и которые имели своим источником не христианскую религию, а ту социальную атмосферу, в которой она возникала и формировалась.

Так же обстоит дело с "прогрессивной" ролью религии, в том числе христианской, во всех других социальных движениях и в других исторических условиях. Если те или иные прогрессивные движения выступали под религиозным флагом, с религиозным "обоснованием" своих целей, то это свидетельствует лишь о слабости, незрелости этих движений. Роль религиозного флага практически сводилась к тому, чтобы либо сбивать движение на заведомо ложный путь, либо, в лучшем случае, затруднять осуществление цели. В тех редких случаях, когда такое движение хотя бы частично достигало цели, это происходило не столько благодаря, сколько вопреки тому знамени, под которым совершалось движение. Это целиком относится и к таким движениям, как антифеодальные выступления в период реформации в Европе, завершавшиеся решающими победами лишь тогда, когда достаточно созрели и перерастали в буржуазные революции. Важным показателем такой зрелости была их ярко выраженная антиклерикальная направленность и воинствующий атеизм их наиболее последовательных идеологов.

Нередко отмечают прогрессивную роль религии в искусстве, в создании таких его шедевров, как "Сикстинская мадонна" Рафаэля, реквиемы Моцарта и Берлиоза, скульптуры Микеланджело и т.д.

Конечно, когда религия была господствующей идеологией, ничего более или менее значительного в общественной жизни не

совершалось без ее участия. Творения искусства в этих условиях могли появляться на свет только с благословения церкви. Художники, музыканты, деятели литературы вынуждены были продавать свои таланты церкви, "вдохновляться" библейскими сюжетами, устремлять свое творчество в религиозную тематику. Но ложная, ирреальная оболочка в руках подлинного художника не в силах заслонить волнующей правды жизни. Напротив, правда жизни заслоняет, отодвигает далеко на задний план все мифическое, недействительное, извращенное. Подлинно художественное произведение как бы высасывает из мифического образа все то, что роднит его с действительностью, что воплощено в нем — пусть в извращенной форме — жизненно правдивого. Такое произведение не столько воспроизводит фантастическое в мифе, сколько освобождает от него, восстанавливая в нем реальное, правдивое, идущее от действительности. И только благодаря этому оно является произведением искусства.

Указывают на роль богослужебных книг в распространении славянской грамоты, якобы содействовавшей росту культуры в условиях древней Руси. Но разве правомерно при оценке роли церкви в распространении письменности абстрагироваться от того, с какой целью она это делала и каким идейным содержанием была наполнена эта письменность, забывать, что такое достижение человеческой культуры, как книгопечатание, церковь использовала не столько для распространения культуры, сколько для насаждения бескультурья, темноты и невежества, не говоря уже о внушении верноподданнических чувств по отношению к власти предрассудкам. То положительное, что давала церковь людям, обществу, с лихвой перекрывалось отрицательным.

Что касается вопроса о якобы "цементирующем" значении религии в области морали, на что ссылаются чаще всего, то к сказанному в третьей главе добавляется лишь следующее.

В атеистической среде, в том числе в таком авторитетном издании, как журнал "Наука и религия", высказываются мнения, что в религиозных нравственных поучениях содержится не только плохое, а и хорошее. "Если взять для примера евангельскую христианскую мораль, — пишет известный советский историк религии С. Токарев, — в ней можно найти положения, против которых трудно что-либо возразить... В Библии есть немало положительных правил, не отвергаемых и современным моральным сознанием: не убивай, не воруй, чти отца и мать, не завидуй, не лжесвидетельствуй..."^I

Вряд ли с такого рода утверждениями можно согласиться. Во-первых, правила, на которые указывает автор, не являются специфически религиозными, сложились независимо от религии и до религии. Это такие правила, без соблюдения которых немисливо самое элементарное человеческое общежитие. Религия в данном случае присвоила то, что в действительности ей не принадлежит. Во-вторых, даже эти самые простые, никем не оспариваемые, само собой разумеющиеся нормы поведения религия, в соответствии со своей сущностью, извратила, наложила на них свою неизгладимую печать и поставила на службу обществу социального рабства и эксплуатации трудящихся, детищем которого является сама.

Что могла обозначать в тех исторических условиях, в которых возникла, заповедь "не убивай", как не проповедь священности и неприкосновенности рабовладельца? Раб же не считался человеком

^I) Журнал "Наука и религия", 1967, № 12, стр. 17.

и убийство раба вовсе не считалось убийством. Или что могла означать по своему религиозно-библейскому смыслу заповедь "не кради", если не охрану собственности имущих классов, накопленной путем беспощадной эксплуатации трудящихся, т.е., по сути дела, путем худшего вида воровства? И так далее.

Наконец, в диссертации обращается внимание на то, что в литературе и особенно в устной пропаганде, при оценке роли религии в жизни общества, не проводится четкого различия между религиозными организациями и учреждениями (церковью), с одной стороны, и религиозной идеологией (вероучением), с другой. Когда речь идет, например, о православии, то не всегда ясно, имеется ли в виду православное вероучение или православная церковь. Разумеется, церковь и религия неразрывны, но их роль и значение в общественных движениях сплошь и рядом резко расходятся. Во всяком случае, недопустимо, ошибочно те или иные прогрессивные акции церкви относить на счет религии. Если говорить, например, об участии церкви в таком бесспорно прогрессивном движении, как движение сторонников мира, то не религия, не религиозные заповеди, а сама жизнь, в первую очередь настроения и требования верующих побуждают ее к этому. Религиозное, в частности, евангельское миролюбие направлено вовсе не на то, чтобы крепить мир между народами, а совсем на другое, на то, чтобы охранять как высшую ценность классовый мир и этим увековечивать строй социального гнета и порабощения, включая капитализм с его войнами, колониальным разбоем и т.д.

Словом, неправомерно в заведомо реакционной идеологии отыскивать что-то прогрессивное. Если ее отдельные места и можно истолковывать как полезные, то только в отрыве от основного со-

держания, от сущности религии, что методологически совершенно несостоятельно. Такой подход чужд марксистско-ленинскому, диалектико-материалистическому методу анализа явлений.

В.И. Ленин подчеркивал: "Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда как органы буржуазной реакции, служащие защитой эксплуатации и одурманиванию рабочего класса"¹. Думается, что эту ленинскую оценку правомерно распространить и на религию всей "прошлой истории".

Конечно, история полна примерами, когда одна форма религии противостояла другой. Борьба между различными религиозными верованиями явление не редкое как в прошлом, так и в настоящем. Но все они противоположны науке. При всей междоусобице — в отношении к науке они едины. Если и можно одну форму религии предпочесть другой, то только как наименьшее зло.

В религиозной идеологии нет ничего, от чего можно было оттолкнуться как опорного пункта для компромисса с ней. Будучи антинаучной, она реакционна при любых социальных условиях. Это фальсификаторы марксизма типа ренегата Р. Гароди проповедуют идею совместимости марксизма и религии и даже, более того, считают, что именно религия, составляя чуть ли не важнейшее содержание марксизма, "гуманизирует" его, наделяет его силой, способной привлекать массы на свою сторону. Нетрудно себе представить о каком "марксизме" в данном случае идет речь. Имеется в виду та его модель, которая конструируется в голове ревизиониста, к подлинному марксизму никакого отношения не имеющая². В действительности марксизм и ре-

1) В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I7, стр. 416.

2) См. об этом в кн. Х.Н. Момджян. Марксизм и ренегат Гароди. "Наука", 1973, стр. 137-169.

лигия непримиримы. Бескомпромиссность в борьбе с религиозной идеологией является одним из принципов научного атеизма, важнейшим требованием атеистического воспитания.

Воинствующий характер научного атеизма в отношении религии вовсе не означает, как это пытаются изобразить антикоммунистические фальсификаторы, и тени враждебности к верующим за их убеждения. Всех трудящихся, независимо от их вероисповедания, об отношении к религии и церкви, объединяют общие интересы и общая цель — борьба за социализм и коммунизм. Для трудящихся, как подчеркивал Ленин, важнее единство взглядов по вопросам борьбы за действительное счастье, чем единство взглядов на мифический небесный рай¹. Коммунистическая партия борьбу с религией подчиняет задачам борьбы за коммунизм, проводит ее так, такими методами, чтобы она не ослабляла, а еще более укрепляла морально-политическое единство советского общества, содействовало бы еще большему сплочению советских людей под знаменем коммунизма.

В диссертации ставится вопрос о взаимоотношении принципа свободы совести и принципа партийности.

Со стороны идейных защитников религии, а под их влиянием нередко и со стороны рядовых верующих, в адрес советского законодательства о культах предъявляются претензии и упреки такого рода. Советская Конституция принцип свободы совести выражает — неполно, толкует его односторонне: она гарантирует свободу антирелигиозной пропаганды, но ничего не говорит о свободе пропаганды религии, подменяя ее свободой отправления религиозных культов².

1) См. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I2, стр. 146.

2) "Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды, — говорится в 124 статье Конституции СССР — признается за всеми гражданами".

Идейным источником такого рода претензий и упреков является свойственная буржуазной идеологии абстрактность в толковании таких понятий, как "демократия", "гуманизм", "свобода". Свобода в отрыве от конкретно-исторических условий, от интересов тех или иных классов, от объективной необходимости — бессодержательное понятие. Реальной является лишь та свобода, которая основана не на игнорировании объективных условий, а на знании и учете вытекающих из них требований, не считаться с которыми нельзя. Пока существуют классы, нет и не может быть толкования свободы, независимого от классовых интересов. Принцип партийности в раскрытии понятий такого рода — превыше всего. Это распространяется и на решение вопроса о свободе совести.

Партия не скрывает своего отрицательного отношения к религии и последовательно атеистического характера своего мировоззрения, в духе которого она воспитывает и не может не воспитывать массы. Это буржуазным идеологам свойственно прикрываться флагом беспартийности, одним из выражений которого является требование равных возможностей как для веры, так и для неверия, в частности, как для распространения атеизма, так и для распространения религии.

Примечательно, что о "равных возможностях" в досоциалистических условиях защитники религии даже не помышляли, считая естественным и справедливым такое положение, когда всеми средствами воспитания насаждалась религия, а атеизм был, по существу, вне закона. Об этом они заговорили лишь сейчас, применительно к социалистическим странам, где об идейном господстве религии речь идти, естественно, уже не может, но где им хотелось бы, по

крайней мере, как можно продлить существование религиозных пережитков.

Нужно ли говорить, что такая позиция далеко не беспристрастна и не беспартийна. Все дело только в том, что эта пристрастность и партийность класса, давно уже утратившего способность отражать мир, явления общественной жизни с позиций объективной истины. Требование свободы религиозной пропаганды является лишь модификацией свойственного идеологам господствующих эксплуататорских классов требования свободы проповедовать то, что выгодно этим классам, что оправдывает их право на эксплуататорское существование. Но свобода в таком понимании слишком далека от реальности, является всего лишь фразой. Первое, что требуется для обеспечения свободы совести в ее реальном значении — это, как писал Маркс, — "освободить совесть от религиозного дурмана"^I.

Наконец, последнее, что отмечается при рассмотрении марксистско-ленинских принципов атеистического воспитания — это формирование новых бытовых традиций и обычаев.

В результате построения социализма и, как следствие этого, коренных изменений в общественном сознании в пользу атеизма, главным пристанищем религии остается быт, бытовые традиции, обычаи и обряды. Костяком, основным "строительным материалом" для возникновения и формирования всякой новой традиции является все здоровое, жизнеспособное, что накоплено по крупице веками и отложилось в старых обычаях и обрядах, в большинстве своем, тесно связанных с религией, в которой самой по себе, как уже

^I) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I9, стр. 30.

было подчеркнуто, нет ничего рационального, приемлемого для социалистического образа жизни. Исходя из соображений целесообразности, ее следовало бы отбросить с порога. Все дело однако в том, что такое отбрасывание неизбежно влечет за собой и отказ от многого такого в духовной жизни людей, что составляет исходный пункт для дальнейшего развития. Процесс преодоления религии неизбежно связан с необходимостью секуляризации религиозных обрядов и обычаев, освобождения их от религиозного культа, от всей той мишуры, которая органически не связана с их объективным назначением. А это требует и времени, и упорства, и умения. Своеобразным эталоном в этом отношении может быть преобразование рождественской елки в новогоднюю. Освобождение того или иного обычая или обряда от религиозной окраски является не только отрицанием, а и сохранением. В связи с этим обращает на себя внимание несколько упрощенный подход к проблеме преодоления старых и формирования новых традиций и обрядов, рекламируемый подчас в атеистической литературе. Так в книге "Заботы и дела атеистов" с безоговорочным одобрением описывается колхозное собрание, где принимается постановление:

" I. Отказаться от празднования религиозных праздников.
2... Установить и ввести в традицию празднование по всем населенным пунктам колхоза колхозных праздников: во второе воскресенье июня - праздник "Красное лето", 20 октября - праздник коммунистического труда" ^I.

Установить и ввести в традицию празднование того или иного праздника, конечно, можно, если для такого акта созрели

I) "Заботы и дела атеистов". М., 1970, стр. 52.

объективные условия. Но вряд ли можно таким же способом отменить религиозный праздник. Такое постановление верующего от религии не отвратит, а значит, отказаться от празднования религиозного праздника не заставит. В данной области работы по научно-атеистическому воспитанию еще в большей мере чем в любой другой нереалистично рассчитывать на немедленные результаты. Но еще менее реалистично рассчитывать на то, что проблема может решаться сама собой, объективным ходом развития нашего общества. Субъективному фактору принадлежит здесь особо важная роль. Кропотливая работа по формированию новых соответствующих социалистическому, а в дальнейшем и коммунистическому образу жизни бытовых традиций, свободных от религиозных и других пережитков прошлого в сознании советских людей - одно из принципиальных требований атеистического воспитания с позиций марксизма-ленинизма.

Таковы, по мнению диссертанта, основные принципы научно-атеистического воспитания, вытекающие из марксистско-ленинского понимания религии и путей ее преодоления.

В кратком заключении в качестве основного вывода отмечается, что отношение к религии - вера в бога или, напротив, отрицание бытия бога - далеко не безразлично ко всем другим элементам духовного мира личности. Вне атеизма нет ни последовательно научного мировоззрения, ни истинно нравственных принципов поведения, ни высокого уровня общественной сознательности, ни всех других особенностей личности новой коммунистической формации. Научно-атеистическое воспитание является поэтому не чем то дополнительным к коммунистическому воспитанию, а его внутренним неотъемлемым содержанием.

Основное содержание диссертации изложено в следующих

публикациях автора:

1. Марксизм-ленинизм о религии	Изд-во "Знание"	1950 г.
2. Мораль коммунистическая и мораль религиозная	"	1952 г.
3. Диалектический материализм - теоретическое оружие в борьбе с религией	"	1954 г.
4. Что такое религия	"	1955 г.
5. Противоположность научного и религиозного мировоззрения (на правах рукописи)	"	1956 г.
6. Вопросы религии и атеизма (на китайском языке)	Изд. ВПИ при ЦК КПК (г. Пекин)	1957 г.
7. Мораль и религия	Воениздат	1958 г.
8. Марксизм-ленинизм о религии	"	1959 г.
9. Причины религиозных пережитков в СССР и пути их преодоления (на правах рукописи)	Изд-во "Знание"	1959 г.
10. Религиозная мораль и коммунизм (глава в учебнике)	Политиздат	1964 г.
11. Нравственное содержание атеизма (глава в учебном пособии)	Изд. МГУ	1971 г.
12. Слово о законе божьем. Беседы о религиозной нравственности	Изд-во "Московский рабочий"	1966 г.
13. Статьи в журналах: "Коммунист" - Беседы о религии и знании. Рецензия. (№ 6, 1963 г.); "Политическое самообразование" - Некоторые вопросы атеистической пропаганды (№ 4, 1963 г.); Существуют ли социальные корни религии в СССР (№ 12, 1964 г.); Видимость и сущность религиозной морали (№ 8, 1965 г.). "Агитатор" - Коммунизм и религия (№ 16, 1962 г.); Атеизм и гума-		

низм (№ 9, 1967 г.); В.И. Ленин о корнях и социальной сущности религии (№ 19, 1969 г.); Атеистическое воспитание (№ 3, 1972 г.) "Наука и религия" - Коммунистическое строительство в СССР и преодоление религиозных пережитков (№ 1, 1959 г.); Мораль в кривом зеркале (№ 3, 1959 г.); Ленин - наше знамя. (О ленинских атеистических заветах в связи с 90-летием со дня рождения В.И. Ленина, № 4, 1960 г.); Мораль подлинная и мораль мнимая (№ 7, 1960 г.); Свобода совести истинная и ложная (№ 12, 1960 г.); За ленинскую непримиримость к религии (№ 4, 1961 г.); За продуманную и стройную систему атеистического воспитания (№ 1, 1962 г.); Цена религиозного утешения (№ 4, 1962 г.); Вот он, недостижимый "образец" нравственности! (Об идеале религиозной нравственности, № 6, 1962 г.); Боевое оружие воинствующего атеизма (К 40-летию статьи В.И. Ленина "О значении воинствующего материализма", № 3, 1962); Добро на словах - зло на деле (о лицемерии религиозной морали, № 9, 1962 г.); Под напором требований жизни (о сущности реформ II Ватиканского Собора, № 1, 1963 г.); Коммунистическая и религиозная мораль (№ 2, 1963 г.); Звонкие фразы о простых истинах (о спекуляции религии на элементарных нормах нравственности, № 11, 1963 г.); Антикатеизм (рецензия на книгу А.Осипова "Катеизм без прикрас"; № 12, 1963 г.); Пожизненно осужденный (об антигуманности религиозной морали, № 8, 1965 г.); Ближе к коренным проблемам научного атеизма (рецензия на книгу "Вопросы научного атеизма", выпуск 5, № 9, 1968 г.). "Советские профсоюзы" - Почему мы боремся с религией (№ 15, 1960 г.); Почему в СССР еще есть верующие (№ 21, 1962 г.). "Слово лектора" - Атеизм и нравственность (№ 5, 1972 г.).

14. Статьи в центральных газетах. В прессобъе "Правды" для республиканских, краевых и областных газет - О религиозных пережитках (октябрь, 1970 г.); Образец научности и партийной принципиальности (к 50-летию статьи В.И.Ленина "О значении воинствующего материализма" (март 1972 г.); Из единого корня (заметки атеиста о пьянстве и религии, август 1972 г.). В "Известиях" - Принцип свободы совести и церковь в СССР (июль, 1962 г.). Ленинский декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви (февраль 1963 г.). В "Советской России" - Счастье иллюзорное и счастье реальное (сентябрь 1964 г.).

ПОДП. К ПЕЧАТИ 11/У1-74 Г. ФОРМАТ 60x80/16
БУМ. ОФС. № 2 ФВ.П.Л. 3,5. УЧ.-ИЗД.Л. 3,25.
ЗАКАЗ П10. ТИРАЖ 300 ЭКЗ.

ОТПЕЧАТАНО НА ГОТАПРИНТАХ В ТИП. ИЗД. МГУ
МОСКВА, ЛЕНГОРЫ